

Тысяча восьмисотый годъ.

I.

Придворныя интриги.—Вліяніе ихъ на развитіе гнета управленіи.—Развитіе недовольствъ въ связи съ перемѣной виѣшной политики Императора.—Лица, окружавшія Императора Павла: Обольяниновъ, Кутайсовъ, кн. Анна Петровна Гагарина, гр. П. А. Паленъ.—Кружокъ О. А. Жеребцовой: англійскій посланникъ Витвортъ, гр. Н. П. Панинъ, адмиралъ Рибасъ.

еспотизмъ и раздражительность Императора Павла въ началѣ его царствованія умѣрялись вліяніемъ кружка его приближенныхъ, во главѣ которыхъ находилась его супруга, Императрица Марія Ѳеодоровна, и камеръ-фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова. Опасныя стороны характера Императора Павла извѣстны были имъ въ совершенствѣ, и онѣ употребляли всѣ усилія, чтобы оберегать его отъ крайностей, хотя и не всегда съ успѣхомъ, но уже въ 1798 году, послѣ рожденія Великаго Князя Михаила Павловича, между супругами послѣдовало охлажденіе: основываясь на заключеніи врачей, подкупленныхъ врагами Императрицы, что новые роды грозятъ ея жизни, Павелъ началъ относиться къ ней, какъ къ больной. Это вполне отвѣчало планамъ Кутайсова, Ростоцина и Безбородко, стремившихся къ утвержденію собственнаго вліянія на Императора; и во время поѣздки Императора въ Москву весною 1798 г. они обратили его вниманіе на 16-лѣтнюю Анну Петровну Лопухину, дочь сенатора Петра Васильевича Лопухина. Лопухина, по отзыву современницы, имѣла красивую голову, но была невысокаго роста, дурно сложена и безъ граціи въ манерахъ. Красивые глаза, черныя брови и волосы того же цвѣта, прекрасные зубы и пріятный ротъ были единственными ея прелестями; небольшой вздернутый носъ не придавалъ изящества ея фигурѣ. Выраженіе лица было мягкое и доброе, и

дѣйствительно Лопухина была добра и не способна ни желать, ни дѣлать какого-либо зла, но въ то же время она была недалекаго ума и не получила должнаго воспитанія. Ея вліяніе проявлялось только въ раздачѣ милостей; у нея не было данныхъ, чтобы распространить его на дѣла, хотя любовь Государя и низость людей давали ей возможность вмѣшиваться во все. Часто она испрашивала прощеніе невиннымъ, съ которыми Императоръ поступалъ очень строго въ минуты гнѣва; тогда она плакала или дулась и такимъ образомъ достигала желаемаго. Понятно, что не Лопухина могла рудоводить Павломъ и, отстранивъ разъ навсегда всякое вліяніе Императрицы Маріи и Нелидовой, Павелъ уже не сдерживался въ своихъ поступкахъ; напротивъ того, подчинившись вліянію Кутайсова и др. враговъ Императрицы Маріи, онъ сразу измѣнилъ весь составъ высшаго управленія и придворныхъ, заподозривая честолюбивые планы Императрицы, клонящіеся къ его низверженію. Съ этого момента Императоръ потерялъ точку опоры, лишившись своихъ друзей, и сдѣлался орудіемъ въ рукахъ интригановъ, возбуждавшихъ его подозрительность для достиженія личныхъ своихъ цѣлей. Они увѣряли его въ существованіи заговоровъ противъ его жизни, указывали на опасности, угрожавшія трону со стороны дворянства, говорили, что Императрица желаетъ сама царствовать, на подобіе Екатерины. Многіе изъ старыхъ друзей Императрицы и самого Императора: Нелидовъ, Куракины, Плещеевъ, Репнинъ, удалены были отъ должностей и отъ двора, многіе посланы были въ деревни. Полицейскій гнетъ надъ частною жизнью усилился еще болѣе, чѣмъ прежде; цензурныя стѣсненія дошли до запрета отдѣльныхъ словъ, издавна употребляемыхъ въ разговорѣ и литературѣ. Чувство страха, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, царили въ душѣ каждаго отъ царскихъ чертоговъ до послѣдней хижины гдѣ-либо на Колтовской. „Ужасное время!—писалъ современникъ.—Я былъ тогда ребенкомъ, въ томъ возрастѣ, когда все кажется намъ въ розовомъ цвѣтѣ, когда живешь годы, о которыхъ потомъ вспоминаешь съ удовольствіемъ, съ сожалѣніемъ, что они прошли; я не могу и теперь, въ старости, вспоминать безъ страха и злобы о тогдашнемъ времени, когда самый честный и благородный человѣкъ подвергался ежедневно, безъ всякой вины, лишенію чести, жизни, даже тѣлесному наказанію, когда владычествовали злодѣи и мерзавцы, и всякій кварталный былъ тираномъ своего округа. Хорошо теперь заочно хвалить времена Императора Павла! Пожили бы при немъ, такъ вспомнили бы!“ ¹⁾. Самые умѣренныя въ своихъ отзывахъ со-

¹⁾ „Записки о моей жизни“, Греча, 65.

временники конца Павловскаго царствованія, доказывая, что народъ въ это время на всемъ пространствѣ Россіи менѣе чѣмъ когда-либо страдалъ отъ злоупотребленій власти, тѣмъ не менѣе свидѣлствуютъ о гнетѣ, которому подвергались жители столицъ и вся мыслящая, культурная Россія въ лицѣ передового тогда дворянскаго класса, возвеличеннаго Екатериной II и столь униженнаго Павломъ. Въ три, четыре года Императоръ возбудилъ противъ себя сословіе, бывшее дотолѣ опорой трона, не успѣвъ еще создать прочныхъ элементовъ для возведенія задуманнаго имъ междусословнаго бюрократическаго зданія въ военной и гражданской администраціи. Даже кружокъ приближенныхъ къ Государю лицъ постоянно мѣнялся вслѣдствіе его подозрительности: въ концѣ концовъ онъ довѣрялъ лишь бывшему своему камердинеру, ставшему теперь графомъ и оберъ-егермейстеромъ, Ивану Павловичу Кутайсову, но онъ былъ годенъ для домашнихъ услугъ, но не для Государственныхъ дѣлъ. Какъ ни стремился Павелъ воплотить принципъ „l'état c'est moi“ въ себѣ самомъ, но и его несокрушимой энергіи, его вѣчному стремленію къ борьбѣ, положенъ былъ неожиданный предѣлъ: онъ почувствовалъ, что кругомъ него образовалось пустое мѣсто...

Для потомства легко опредѣлять необходимость и относительную важность историческихъ этаповъ въ народной жизни, но современникамъ ихъ приходится переживать и сознавать однѣ лишь тяжелыя ихъ стороны, считаясь часто не только съ фактами, но и съ *ожиданіемъ* возможныхъ событій, напрягая тѣмъ нервы до крайности. Вообще въ царствованіе Павла въ Петербургѣ никто не могъ жить спокойно, но въ 1800 г. нервное напряженіе общества достигло своего апогея: привыкшее уже къ униженіямъ, дворянство почувало приближеніе новой для себя опасности. Это былъ моментъ перелома во внѣшней политикѣ Павла: разочаровавшись въ Бурбонахъ и въ своихъ союзникахъ, Императоръ Павелъ со свойственной ему прямоотой протянулъ руку недавнему своему врагу—французской республикѣ, въ лицѣ перваго ея консула, Наполеона Бонапарте, и готовился къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ бывшихъ своихъ друзей: Австріи и Англіи, измѣняя такимъ образомъ общему дѣлу *de la bonne cause*, налагая опалу на аристократическія вождедѣнія эмигрантовъ, пользовавшихся дотолѣ особымъ его покровительствомъ и заручившихся симпатіями высшаго петербургскаго общества. Эта перемѣна во внѣшней политикѣ Императора уничтожила послѣднюю связь его, соединявшую его еще съ обществомъ, была послѣдней каплей, переполнившей чашу. Возникалъ естественный вопросъ, насколько измѣна Императора „общему дѣлу“ можетъ отразиться на его внутренней политикѣ? И вотъ начали

носиться слухи, что французское правительство совѣтовало Государю конфисковать всѣ дворянскія имѣнія, и что онъ склоненъ послѣдовать тому совѣту ¹⁾).

Отдаленная опасность эмансипаціи крестьянъ связывалась въ мысляхъ дворянства съ наступающимъ уже въ дѣйствительности финансовымъ своимъ разореніемъ: вслѣдствіе разрыва съ Англіей прекращался вывозъ нашего сырья и сельскохозяйственныхъ продуктовъ, и цѣны на нихъ пали. „Царство страха“ становилось въ грозномъ будущемъ еще страшнѣй—до такой степени, что даже забыли о „страхѣ“.

„Въ сіе царство ужаса... говорили смѣло,—писалъ о послѣднемъ годѣ царствованія Павла Карамзинъ,—умолкали единственно отъ скуки и частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ истиннаго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности“ ²⁾. Похороны народнаго героя, Суворова, впаваго въ оналу послѣ славной войны съ Франціей, для высшихъ классовъ получили характеръ демонстраціи.

Отрицательныя свойства характера Императора Павла: подозрительность и крайняя невоздержность во гнѣвѣ, между тѣмъ не ослаблялись, а усиливались, такъ какъ окружавшіе его люди могли достигать личныхъ своихъ цѣлей, лишь питая подозрительность Государя и умѣло направляя его гнѣвъ. Коцебу, панегиристъ Императора Павла, въ своихъ запискахъ о немъ, сообщаетъ много случаевъ за это время, свидѣтельствующихъ и о бурныхъ выходкахъ Императора, и о злоупотребленіяхъ его любимцевъ, игравшихъ довѣріемъ къ себѣ Государя. „Довольно,—по замѣчанію кн. Вяземскаго,—и того, что было, такъ какъ позорящія наказанія, иногда вовсе не отвѣчавшія степени вины, безпричинныя опалы, массовыя увольненія отъ службы продолжались по-прежнему“ ³⁾. „Но,—замѣчаетъ Коцебу,—что Павель приказывалъ со строгостью, то исполнялось его недостойными слугами съ жестокостью. Страшно сказать, но это несомнѣнно: жестокость обращена была въ средство лести... Они поддерживали его подозрительность и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы подливать масло въ огонь. Постоянное поддакиваніе вошло въ обычай, окончательно извратило характеръ

¹⁾ Письмо къ гр. С. Р. Воронцову отъ 8 апрѣля 1801 (Д. П. Бутурлива?).

²⁾ Пыпинъ: „Общественное движеніе при Александрѣ I“, приложенія, 496—497.

³⁾ Кн. П. Вяземскій: „Полное собраніе сочиненій“. IX, 197.

Государя и съ каждымъ днемъ дѣлалось ему необходимѣе. Не по недостатку разсудка Павелъ подпалъ подъ вліяніе льстецовъ, а вслѣдствіе ихъ адскаго искусства не давать уснуть его подозрительности и представлять какъ преступленіе всякое правдивое противорѣчіе. Послѣдствіемъ этого было то, что всѣ честные люди замолкли даже въ тѣхъ случаяхъ, когда по долгу совѣсти имъ надлежало говорить“. Клевета производила на впечатлительнаго Государя свое дѣйствіе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она была ясно обнаруживаема. Однажды на отца фаворитки Павла, князя Лопухина, взвели столь нелѣпую клевету, что ему ничего не стоило изобличить ее предъ Государемъ. Павелъ ясно увидѣлъ это; однако спустя нѣсколько дней, сказалъ ему: „Я очень увѣренъ въ неправдѣ, на тебя взведенной, но со всѣмъ этимъ тутъ (онъ указалъ при этомъ на свою голову) нѣчто остается“.

Изъ „гатчинцевъ“, оставшихся при Павлѣ, лишь одинъ Растопчинъ обнаруживалъ признаки государственнаго ума и, при всѣхъ извѣстныхъ намъ недостаткахъ своего характера, могъ быть дѣйствительно полезенъ Государю; всѣ прочіе, по выраженію Саблукова, „исполняли, подобно маріонеткамъ, всѣ внѣшнія формальности службы, не отдавая себѣ, повидимому, никакого отчета, для чего онѣ установлены“¹⁾. Конечно, такіе люди не въ состояніи были даже понять тотъ вредъ, который они причиняли, занимая высокіе посты. Изъ нихъ по значенію своему выдѣлялся особенно новый генераль-прокуроръ Оболяниновъ²⁾, невѣжественный, но честный и прямолинейный гатчинскій служака, который „съ величайшимъ хладнокровіемъ приказывалъ исполнять, даже усугублять то, что Государь повелѣвалъ, когда съ умысломъ возбуждали его гнѣвъ“³⁾. Мертваго, служившій при Оболяниновѣ, такъ вспоминалъ о его дѣятельности: „Время это было самое ужасное. Государь былъ на многихъ въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе вотчинной; знатныхъ сановниковъ ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревни... Словомъ, ежедневный ужасъ. Начальникъ мой сталъ инквизиторомъ, все шло чрезъ него. Сердце болѣло, слушая шопоты, и радъ бы не знать того, что рассказываютъ“⁴⁾. Между тѣмъ, исполнительность Оболянинова, отсутствіе противорѣчій съ его стороны вызывало особое довѣріе къ

¹⁾ Саблуковъ: „Записки“, 57.

²⁾ Генераль-прокуроромъ Оболяниновъ назначенъ былъ 8-го февраля 1800 г.

³⁾ Коцебу: „Записки“ (ркп.).

⁴⁾ „Записки Мертваго“ („Р. Арх.“, 1867 г., 118).

нему Павла. „Съ каждымъ днемъ становясь все сильнѣе,—говорить Мертваго,—онъ вскорѣ уподобился великому визирю. Всѣ, лично имѣвшіе докладъ у Государя, получили приказаніе присылать свои представленія чрезъ генераль-прокурора и были принуждены объясняться по всѣмъ дѣламъ съ Оболяниновымъ, соображаться съ его мнѣніемъ или, лучше сказать, съ его приказаніемъ, которое казалось всѣмъ волею царя. Множество дѣлъ, быстрота, которую Государь требовалъ въ ихъ исполненіи, непривычка заниматься важными дѣлами, а болѣе всего дурное воспитаніе и грубость его обхожденія вооружили противъ него всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло“ ¹⁾. „Онъ вошелъ въ такую силу и уваженіе, что не только военный губернаторъ, графъ Паленъ, но и всѣ высшіе военные, статскіе и дворцовые чиновники къ нему пріѣзжали, наполняли цѣлую залу и выхода его ожидали. Даже великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи бывали, ибо ему поручена была, сверхъ статской, и военная часть подъ нѣкоторый, хотя не формальный, но сильный надзоръ ²⁾. Въ порывахъ необузданной вспыльчивости Оболяниновъ не только безпрестанно бранился, но и щедро расточалъ угрозы кандалами, крѣпостью, каторгою, хотя все это при его доброй натурѣ ограничивалось болѣе только словами“. Однажды въ Гатчинѣ одинъ изъ товарищей Сперанскаго, служившаго въ то время при Оболяниновѣ, засталъ его въ горькихъ слезахъ. „Что такое?“—„Помилуйте, хоть бы сейчасъ броситься въ прудъ. Работаю день и ночь, а отъ Петра Хрисанеовича (Оболянинова) слышу одни только ругательства. Сейчасъ еще, Богъ знаетъ за что, разбранилъ меня въ пухъ и обѣщалъ запрятать въ казематы на семь сажень подъ землю. Этого вынести нельзя“ ³⁾. Между тѣмъ этотъ „великій визирь“ и сохранялъ свой постъ отчасти лишь потому, что по своей ограниченности не могъ мѣшать другимъ болѣе ловкимъ и опаснымъ любимцамъ Императора: графу Ивану Павловичу Кутайсову и графу Петру Алексѣевичу Палену: въ ихъ глазахъ Оболяниновъ былъ маріонеткой, которую они могли столкнуть при первой необходимости. Оболяниновъ былъ до такой степени ограниченъ и довѣрчивъ, что, незадолго до кончины Государя, домъ его сдѣлался сборнымъ пунктомъ всѣхъ недовольныхъ ⁴⁾: гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, было другое болѣе безопас-

¹⁾ Тамъ же, 113.

²⁾ Корфъ: „Жизнь Сперанскаго“, I, 52.

³⁾ Тамъ же, 54—55.

⁴⁾ Саблуковъ, 27.

ное для нихъ мѣсто, какъ не домъ „великаго визиря“ и начальника тайной канцеляріи?

Другой любимецъ Императора, графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, оберъ-шталмейстеръ Высочайшаго двора ¹⁾, и въ новомъ званіи своемъ продолжалъ умѣло управлять настроеніемъ Императора, какъ прежде дѣлалъ онъ, будучи „Иваномъ“ ²⁾, простымъ камердинеромъ. Какъ и прежде, Кутайсовъ вовсе не задавался никакими государственными соображеніями, а имѣлъ въ виду одни лишь низменные личные интересы; какъ и прежде, если вѣрить современникамъ, онъ продолжалъ исполнять обязанности брадобрея при особѣ Павла: Императоръ привыкъ къ нему, а минуты одѣванія Императора были всегда минутами, когда Кутайсовъ могъ наединѣ дѣлать ему внушенія. Сдѣлавшись вельможей, Кутайсовъ расширилъ только кругъ личныхъ своихъ интересовъ, и виды его сдѣлались шире. Онъ пожелалъ войти въ кругъ высшей русской аристократіи—и она открыла ему настежь свои двери; онъ пожелалъ вступить съ ней въ родственныя связи—и самая знатная фамилія удостоилась этой чести: за старшаго сына Кутайсова, Павла, вышла въ маѣ 1800 г. красавица княжна Прасковья Петровна Лопухина, сестра фаворитки Павла, княгини Анны Петровны Гагариной ³⁾. Мелочные расчеты Кутайсова заставили его содѣйствовать удаленію отъ дѣлъ Лопухина, Беклешова, Кутлубицкаго, всѣхъ тѣхъ, которые могли, по его мнѣнію, вредить его вліянію; самъ Растопчинъ оставался при дворѣ до тѣхъ только поръ, пока оставался въ дружбѣ съ Кутайсовымъ. Въ то же время комнатный любимецъ Императора возбуждалъ его подозрѣнія противъ Императрицы и двухъ старшихъ его сыновей. Увѣренный въ силѣ своего вліянія и не руководимый болѣе совѣтами Безбородко, Кутайсовъ не зналъ границъ своему высокомерію, тѣмъ болѣе, что простая и добрая фаворитка Госу-

¹⁾ Въ это званіе онъ пожалованъ былъ 9 января 1800 г.

²⁾ Такъ называла его Императрица Марія Ѳеодоровна, въ письмахъ своихъ къ Нелидовой, еще въ 1798 г., а уже въ 1799 г., 22 февраля, онъ пожалованъ былъ въ бароны, а 5 мая того же года въ графы Россійской имперіи. Кн. П. А. Вяземскій пустилъ острогу, что „Кутайсовъ вышелъ въ люди съ легкой руки своей“. (Полное собраніе сочиненій, IX, 48).

³⁾ Этотъ графъ Павелъ Кутайсовъ только-что возвратился изъ-за границы, гдѣ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ подъ надзоромъ А. С. Шишкова, взявшаго на себя эту обязанность по просьбѣ Кутайсова-отца. По отзыву Шишкова, онъ обнаруживалъ склонность къ неблагодарности и лѣни. („Записки“, 57). По возвращеніи въ Россію онъ пожалованъ былъ 7 января 1800 г. въ камергеры. За недѣлю до брака Павла Кутайсова съ Лопухиной, 19 мая, послѣдовалъ собственноручный указъ Павла Сенату: „Камеръ-геру г. Кутайсову быть при Миѣ штацъ-секретаремъ. Павелъ“.

даря, княгиня Анна Петровна, щадила новаго своего родственника. Коцебу, близко стоявшій ко двору, рассказываетъ о поведеніи Кутайсова за это время поразительные факты. „Великій князь Александръ Павловичъ, юноша благороднѣйшій и достойнѣйшій любви, не избѣгалъ подозрѣній, которыя глубоко оскорбляли его прямодушіе. Незадолго до кончины Императора сидѣлъ онъ за столомъ великой княжны Маріи Павловны и, будучи погруженъ въ задумчивость, машинально игралъ ножомъ. „*Qu'avez-vous, mon frère?*“—спросила она его,—*vous êtes aujourd'hui si rêveur*“. Онъ ничего не отвѣчалъ, нѣжно пожалъ ея руку подъ столомъ, и глаза его наполнились слезами. Ничтожное происшествіе навлекло на него взрывъ отцовскаго гнѣва. Нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ не оказали должнаго вниманія при салютованіи и были за то отправлены въ крѣпость на нѣсколько дней или часовъ. Вскорѣ выпущенные на свободу, они громко смѣялись надъ этимъ наказаніемъ. Это дошло до Государя. Нельзя было навести ему болѣе чувствительнаго оскорбленія, какъ давъ ему поводъ полагать, что смѣются надъ его достоинствомъ; поэтому онъ приказалъ этихъ офицеровъ снова посадить въ крѣпость и угрожалъ имъ наказаніемъ кнутомъ. Оба великіе князя желали спасти виновныхъ и снизошли до того, что просили заступничества у Кутайсова, любимца Государя: „*Laissez-moi faire*,—отвѣчалъ надменный фаворитъ,—*je lui laverai la tête*“. Возмущенный этими непочтительными выраженіями, великій князь Константинъ Павловичъ возразилъ ему: „*monsieur le comte, n'oubliez pas ce que vous devez à mon père*“. Кутайсовъ, точно, говорилъ Императору въ пользу этихъ офицеровъ, но, вѣроятно, не довольно горячо или не въ надлежащую минуту, потому что потомъ совѣтовалъ великимъ князьямъ болѣе въ это дѣло не вмѣшиваться, замѣтивъ при этомъ, что Императоръ правъ, „*car enfin*,—прибавилъ онъ,—*n'est-il pas le maître de faire chez soi tout ce qu'il veut?*“. Благородный Александръ, который самъ сообщилъ все это своей сестрѣ, не удовольствовался такимъ жестокосердымъ отвѣтомъ и рѣшился лично обратиться къ своему отцу съ серьезными, но почтительными представленіями. Государь, кипя гнѣвомъ, закричалъ: „я знаю, ты давно уже злоумышляешь противъ меня!“—и поднялъ на него трость. Великій князь отступилъ назадъ, а супруга его бросилась, чтобы заслонить его, и громко сказала: „пусть онъ сперва ударитъ меня“. Павелъ смутился, повернулся и ушелъ“. Коцебу рассказываетъ другой случай, показывавшій наглость любимца. „Однажды Императоръ нуждался въ деньгахъ. Императрица, будучи отличной хозяйкой и имѣя при томъ постоянное желаніе угождать своему супругу, послала своего личнаго секретаря Поле-

тику къ гр. Кутайсову, съ предложеніемъ выдать ему заимообразно изъ ломбарда 100.000 р. Графъ принялъ чиновника Императрицы, лежа на диванѣ и обернувшись лицомъ къ стѣнѣ; напротивъ его сидѣлъ оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ. Кутайсовъ выслушалъ Полетику, не удостоивъ его ни однимъ взглядомъ; затѣмъ, обратясь къ Нарышкину, сказалъ: „Jugez, monsieur, nous avons besoin de 600.000 roubles, et elle nous offre cent“. Другого отвѣта не было“.

Императоръ Павелъ осыпалъ Кутайсова огромными богатствами, которыя любимецъ старался увеличить всякими средствами, пользуясь своимъ громаднымъ значеніемъ, не останавливаясь даже предъ обманомъ Императора ¹⁾. По кончинѣ Императора Павла Кутайсовъ получалъ съ своихъ имѣній до 300.000 рублей (цѣнности того времени) ежегоднаго дохода. Любовница Кутайсова, актриса Шевалье, и мужъ ея, балетмейстеръ, пользуясь своимъ положеніемъ, брали огромныя взятки; лица, искавшія благосклонности Кутайсова, платили за ложи на ея бенефисъ, по разказу Жоржеля и Коцебу, огромныя суммы. Если вѣрить гр. Головкину, то гр. Шереметевъ заплатилъ ей 20.000 р., чтобы спокойно оставить должность директора театровъ ²⁾. Растопчинъ, стремившійся подорвать вліяніе Кутайсова, пробовалъ однажды довести до свѣдѣнія Павла о взяточничествѣ Шевалье, но Кутайсовъ успѣлъ представить Императору дѣло въ другомъ видѣ, и Шевалье осталась въ Россіи на прежнемъ амплуа. По кончинѣ Императора Павла она выѣхала изъ Россіи вмѣстѣ съ Кутайсовымъ, отправившимся за границу для лѣченія.

Императоръ вѣрилъ въ преданность себѣ Кутайсова и считалъ его необходимымъ для себя человѣкомъ, такъ какъ онъ, зная слабости Императора, готовъ былъ на всякія услуги. Жертва его

¹⁾ Письмо гр. Н. И. Салтыкова къ Александру Борисовичу Куракину 1801 г. „...Слышу, любезный другъ, что маю дело съ Кутайсовымъ у васъ въ савѣте; я ничиво отъ васъ не прашу, надеясь что оно въ хорошихъ рукахъ, и неужели вы утвердите обманъ Кутайсова? Онъ пакоіаго государя обманулъ поднеся ему указъ къ подпісанію назвавъ поімянно мне принадлежаціе; і государь ему іхъ пожаловалъ, щітая кавечно, что онъ жалуетъ казне принадлежаціе. Естлибъ онъ зналъ, что оно мнѣ принадлежитъ, я уверенъ чтобъ онъ іхъ не пожаловалъ или же по крайности мнѣ заменилъ бы другіми. Естлибъ въ указѣ было сказано, что жалуінтъ Кутайсова бывшее въ моемъ владеніи, хотябъ оно не очень справедливо было, но іхъ і іскать не сталъ, повинуюся воли его. Но щітаю верно что государь былъ обманутъ“... О попыткахъ Кутайсова захватить богатый Шкловъ принадлежавшій Зоричу, разказываетъ въ своихъ „Запискахъ“ Державинъ.

²⁾ Comte Fedor Golovkin: „La Cour et le règne de Paul I-er“, 187.

интриги, княжна Анна Петровна Лопухина, оставаясь предметомъ рыцарскаго поклоненія Государя, вышла, наконецъ, по своему желанію, за князя Павла Гагарина 8 февраля 1800 г. Какъ и слѣдовало ожидать, замужество Анны Петровны не измѣнило положенія дѣлъ: ея мужъ очень дорожилъ своимъ положеніемъ при дворѣ, и Анна Петровна, по кроткой своей натурѣ, подчинилась его желанію, всегда находясь при дворѣ и по-прежнему пользуясь платоническимъ вниманіемъ Павла. Въ честь княгини Гагариной заложенъ былъ 130-пушечный корабль „Благодать“ (по-еврейски Анна), но спускъ его, 3 мая 1800 г., былъ неудаченъ: корабль почему-то остановился на фундаментѣ¹⁾. Въ іюнѣ Анна Петровна должна была слѣдовать за дворомъ въ Царское Село. Здѣсь Павелъ показалъ себя столь настойчивымъ, что княгиня рѣшилась тайкомъ бѣжать въ Петербургъ. Когда Павелъ узналъ объ этомъ, то пришелъ въ сильное волненіе. „*Tout cela, ce sont des exagerations*“—сказалъ онъ молодому брату Анны Петровны, кн. П. П. Лопухину, извѣстившему его объ отъѣздѣ сестры, и началъ искать случая примириться съ предметомъ своего поклоненія. Это произошло 1 августа, когда совершился вторичный спускъ „Благодати“, въ присутствіи всей императорской фамиліи и самой Анны Петровны“. На этотъ разъ, рассказывалъ братъ ея, кн. П. П. Лопухинъ, все удалось Императору: „Благодать“ сошла въ воду, а онъ примирился съ княгиней Гагариной. Государь пробылъ въ городѣ до слѣдующаго дня, 2 августа. Съ тѣхъ поръ ссоры его съ Анной Петровной прекратились“²⁾. За то Императрица Марія утратила навсегда надежду возстановить свое вліяніе. Новая фаворитка не вмѣшивалась въ дѣла: по своей натурѣ она могла только ходатайствовать за несчастныхъ и опальныхъ. Насколько можно судить изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ данныхъ, она не хотѣла и не умѣла управлять своимъ царственнымъ поклонникомъ; напротивъ, она сама, наравнѣ съ другими, боялась его крутого нрава, дрожала отъ его гнѣва и чувствовала себя несчастной въ своемъ невольномъ „случаѣ“.

¹⁾ По возвращеніи съ церемоніи Павелъ нашелъ у себя въ ботфортѣ записку карандашемъ:

„Все противится уроду,
И „Благодать“ не лѣзетъ въ воду“.

²⁾ Князь Лопухинъ, помолчавъ немного, прибавилъ, „что въ то время понятія и нравы были совсѣмъ иные, чѣмъ теперь. Ни докучливыя преслѣдованія Императора, ни возвращеніе княгини Гагариной ко двору не представляли ничего особеннаго, ничего, что не могло бы случиться съ каждымъ“. Разказы кн. П. П. Лопухина, записанные кн. А. Б. Лобановымъ Ростовскимъ.

Когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, молодой 14-лѣтній племянникъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, извѣстный впослѣдствіи принцъ Евгенийъ Виртембергскій, явился ко двору Павла и поражаель всѣхъ своими рѣзкими отвѣтами Государю, нашлась лишь одна придворная дама, сіявшая красотою и кротостью, которая тайкомъ рѣшилась предостеречь молодого принца и умоляла его быть сдержаннымъ. Дама эта была княгиня Анна Петровна Гагарина.

Наконецъ, особымъ довѣріемъ и вниманіемъ Императора продолжалъ пользоваться военный генераль-губернаторъ столицы графъ фонъ-деръ-Паленъ, „notre bon et loyal comte Pahlen“, какъ называла его Императрица Марія. Никто не сомнѣвался ни въ его государственномъ умѣ, ни въ его благородномъ, прямодушно-солдатскомъ характерѣ, ни въ его преданности Государю. Мы знаемъ уже, что виновницей его возвышенія была графиня Ливенъ, подруга юности жены его, графини Юліаны Ивановны, которой она же доставила мѣсто гофмейстерины при Великой Княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Ливенъ была главою нѣмецкой партіи при дворѣ, и Паленъ, благодаря поддержкѣ Ливенъ, пользовался расположеніемъ со стороны всѣхъ противоположныхъ партій. Это необыкновенное искусство умѣть уживаться со всѣми изобличало, однако, въ Паленѣ холоднаго, расчетливаго политика, имѣвшаго свои скрытыя цѣли. Упрекъ въ подлости характера, брошенный ему Павломъ въ началѣ своего царствованія, казалось, не оставилъ въ душѣ его никакихъ слѣдовъ, и вся его служба являлась, повидимому, оправданіемъ его „всеподданнѣйшаго увѣренія, что жизнь свою по гробъ посвящаетъ съ радостью Высочайшей службѣ и для того предъ лицомъ Его, Государя, повергаетъ себя къ освященнымъ столамъ Его Величества“. Въ дѣйствительности, безконечно превосходя Обольянинова и Кутайсова въ государственномъ умѣ и пониманіи обстановки, Паленъ столько же превосходилъ ихъ въ коварствѣ и умѣньи вести интригу: упрекъ въ подлости на самомъ дѣлѣ не былъ безоснователенъ. Одинъ изъ друзей Палена, лифляндецъ Гейкингъ, который, какъ и всѣ члены нѣмецкой партіи при русскомъ дворѣ, смотрѣлъ на Палена въ то время чуть-ли не съ благоговѣніемъ, пишетъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Припоминаю слово, изобрѣтенное Паленомъ, о которомъ много говорили тогда, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи. Однажды съ Паленомъ говорили о человѣкѣ съ выдающимся умомъ и образованіемъ, которому, однако, не разу не удавалось достигнуть счастія. „Что касается до меня—возразилъ Паленъ,—то я изучалъ не философію, а „фиффигологию“ (Pfiffigologie), и, вы видите, я добылъ порядочное состояніе и высокій чинъ. Повѣрьте мнѣ, большинство уче-

ныхъ—дураки, и безъ „фифигологія“ никогда ничего не достигнешь“¹⁾. „Ce Livonien Suedo-prussien“, какъ называлъ его гр. С. Р. Воронцовъ, былъ практическій циникъ, для котораго всѣ средства были хороши, если вели къ намѣченной цѣли, и, разъ намѣтивъ ее, онъ шелъ къ ней съ непреклоннымъ упорствомъ. „C'était un véritable chef de conjuration, destiné à donner un horrible exemple à tous les conjurés présents et futurs“, отзывался о немъ близко знавшій его гр. Ланжеронъ²⁾. И дѣйствительно, изучая его дѣятельность, какъ Петербургскаго генераль-губернатора, можно видѣть всю тонкость его тактики: безпрекословно исполняя повелѣнья Государя, быть можетъ даже глазъ на глазъ съ нимъ восхваляя ихъ, онъ умѣлъ дать понять пострадавшимъ, что они жертвы произвола, что онъ сочувствуетъ ихъ судьбѣ, что Государь не умѣетъ цѣнить достойныхъ людей³⁾. Никто не задавалъ себѣ вопроса, почему же Паленъ въ теченіе двухъ лѣтъ продолжалъ пользоваться милостями Павла, почему самъ Павелъ, столь причудливый въ своемъ исканіи противорѣчій, не могъ нахвалиться Паленомъ?⁴⁾ Едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что, уже вступая въ должность Петербургскаго генераль-губернатора, Паленъ предвкушалъ сладость мести, а дальнѣйшее ознакомленіе какъ съ характеромъ Императора, такъ и съ общимъ положеніемъ дѣлъ, только укрѣпило въ немъ это намѣреніе. Коцебу рассказываетъ, что въ 1800 г. былъ случай, когда Императоръ былъ недоволенъ Паленомъ и далъ ему почувствовать это: когда жена его графиня Юліана, статсъ-дама, пріѣхала однажды по обычаю ко двору, то ей было объявлено, что она должна вернуться домой и болѣе не являться. Коцебу думаетъ, что „самый блестящій день не представлялъ Палену ручательства въ спокойной ночи, такъ какъ завистники его всегда бодрствовали и не пропускали ни одного случая, чтобы заподозрить его въ глазахъ Государя“, что Палену „недоставало безопасности, одной безопасности, безъ которой, хотя и осыпанный милостями и всѣми дарами счастья, онъ уподоблялся Дамоклу, надъ головой котораго постоянно висѣлъ мечъ на волоскѣ“. Всѣ эти причины не могутъ, однако, объяснить поведенія Палена, тѣмъ болѣе общаго характера его дѣйствій: Коцебу, какъ нѣмецъ и человѣкъ, лично ему обязанный, же-

¹⁾ Heyking „Aus Polens und Kurlands letzten Tagen“, 461.

²⁾ Mémoires de Langeron, 62 („Revue Britannique“, 1895, VII).

³⁾ Особенно интересенъ въ этомъ смыслѣ рассказъ Саблукова по поводу опалы его отца. „Записки“, 36—39. У Палена была, между прочимъ, привычка предлагать стаканъ лафита всякому, кто попадалъ въ бѣду.

⁴⁾ Въ апрѣлѣ 1799 г. Кочубей писалъ Воронцову: „Le gouverneur militaire Pahlen entretient les soupçons et les cruautés“.

далъ по возможности обѣлить земляка, забывая, что для Палена легче было удалиться отъ двора, чѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ быть жертвою причудъ Государя. Паленъ, долго изучавшій „фи-
 фигологію“, былъ честолюбивъ, мечталъ достигнуть бѣльшаго: онъ
 надѣялся вполне подчинить себѣ Великаго Князя Александра, по-
 добно тому, какъ супруга его, Великая Княгиня Елисавета, вполне
 подчинилась вліянію графини Юліаны ¹⁾. Болѣе всѣхъ, конечно,
 обманывалась въ Паленѣ Императрица Марія, которая, подъ влія-
 ніемъ Ливенъ, чистосердечно думала, что пока Паленъ остается въ
 должности, Императоръ будетъ въ безопасности: „Боже сохрани,—
 писала она,— чтобы онъ оставилъ Петербургъ!“ ²⁾. Чѣмъ далѣе,
 тѣмъ дѣйствія Палена становятся яснѣе: нѣкоторыя суровыя пове-
 лѣнія Государя онъ усиливалъ, отъ его имени, а можетъ быть и
 внушалъ ихъ ³⁾, а, приводя ихъ въ исполненіе, отъ себя смягчалъ
 ихъ, вызывая къ себѣ всеобщую благодарность. Коцебу рассказы-
 ваетъ, между прочимъ, что, когда пасторъ Зейдеръ, по одному не-
 основательному доносу, долженъ былъ, по приказанію Государя,
 подвергнуться тѣлесному наказанію, то палачу дано было внуше-
 ніе, чтобы удары кнутомъ не попадали на тѣло несчастнаго, а это
 могло быть лишь съ вѣдома Палена. Коварный слуга Павла, всегда,
 по собственному признанію, его ненавидѣвшій, ждалъ лишь благо-
 пріятнаго случая, чтобы вполне обнаружить свои планы, тщательно
 извѣдывая пока почву и отыскивая подходящихъ себѣ помощниковъ ⁴⁾.

¹⁾ „Записки“ гр. Головиной, 154. Графиня завоевала довѣріе великой княгини, благодаря поддержкѣ Ливенъ, лишь спустя нѣкоторое время по назначеніи ея гофмейстериней: въ первое время великая княгиня не выносила ея холоднаго, строгаго вида.

²⁾ Письмо къ Плещеву 20 декабря 1800 г. (р.кп.). Еще ранѣе, при назначеніи гр. Палена на должность Петербургскаго генераль-губернатора, Императрица Марія писала 9 сентября 1798 г. Плещеву: „J'étais sûre, que le bon et loyal Pahlen souffriroit des commissions dont on le charge, mais c'est bien heureux de voir un aussi honnêt homme que lui à la place, qu'il occupe“ (р.кп.).

³⁾ Кн. Лопухинъ свидѣтельствовалъ положительно, что „хотя повелѣнія о наказаніяхъ и ссылкахъ объявлялись большей частью тайною экспедиціею, бывшей въ завѣдываніи у Оболянинова, но Оболяниновъ былъ только безпрекословнымъ исполнителемъ приказаній, которыя получалъ: онъ не былъ подстрекателемъ. Главная роль въ этомъ гнусномъ дѣлѣ принадлежала безспорно графу Палену“. Кн. Лобановъ-Ростовскій прибавляетъ съ своей стороны, что то же утверждалъ и фельдмаршалъ Паскевичъ, „Рассказы кн. Лопухина“ въ р.кп. и частію у Шильдера: „Императоръ Павелъ Первый“, приложеніе.

⁴⁾ Въ Лифляндіи, на родинѣ Палена, мѣстное дворянство, хорошо его знавшее, говорило о немъ такъ: *Er hat die Pfiffologie studiert* отъ нѣмец-

Вслѣдствіе натянутыхъ отношеній съ Англіей, Императоръ Павелъ еще 1 февраля 1800 г. потребовалъ отозванія изъ Петербурга англійскаго посла, лорда Витворта. Лордъ Витвортъ, умный и энергичный дипломатъ, не спѣшилъ однако уѣзжать изъ русской столицы. „Я никогда, ни на минуту,—доносилъ онъ 18 марта своему правительству,—не терялъ изъ виду огромной важности извлечь изъ характера Императора возможные для насъ выгоды и хранилъ замкнутыми въ своей груди тревожныя опасенія, сопровождавшія всѣ мои труды. Но, какъ бы то ни было, истина, наконецъ, должна быть открыта; мы должны знать, отъ чего зависятъ наши дѣла, но въ то же время не должны забывать, что Императоръ, каковъ онъ ни есть, Самодержавный владѣтель могущественной, связанной природой съ Великобританіей, Имперіи, изъ которой исключительно мы можемъ добывать средства для поддержанія первенства нашей морской силы“.

Лордъ Витвортъ, бывший англійскимъ посломъ въ Петербургѣ въ теченіе 12 лѣтъ и умѣвшій приобрѣсти здѣсь прочныя связи, дѣйствительно принималъ всѣ мѣры для пользы Великобританіи: даже въ выборѣ любовницъ онъ руководился этою цѣлью, находясь одновременно въ связи съ гр. Толстой, женой любимаго гофмаршала наслѣдника престола, и съ О. А. Жеребцовой, сестрой оальныхъ Зубовыхъ, женщиной красивой, энергичной и жадной до денегъ и, подобно братьямъ, также подвергшейся высылкѣ изъ Петербурга, хотя на короткое время. Черезъ Жеребцову Витвортъ полагалъ вступить въ сношенія съ недовольными судьбой имперіи и ихъ собственной. Два человѣка особенно обратили на себя его вниманіе: давній его знакомецъ, вице-канцлеръ, графъ Никита Петровичъ Панинъ, и вице-адмиралъ де-Рибасъ. Лица эти имѣли уже свою репутацію, какъ люди дѣла и непреклоннаго стремленія къ достиженію своихъ цѣлей.

Панинъ, человѣкъ холодный и честолюбивый, видѣлъ въ Растопчинѣ, своемъ начальникѣ, непреодолимое препятствіе къ дальнѣйшему возвышенію: онъ не имѣлъ права даже докладывать Государю помимо Растопчина¹⁾. Императоръ относился къ Панину холодно. Когда коварство Австріи и Англій заставило Павла выйти

каго слова „*priffig*“, хитрый, ловкій, пронырливый человѣкъ, который всегда обманываетъ другихъ, а самъ никогда не остается въ дуракахъ. О постоянной ненависти своей къ Императору Паленъ говоритъ Гейкину. (*Aus den Tagen des Kaiser Pauls*, 229.

¹⁾ О распрѣ Панина съ Растопчинымъ зналъ едва-ли не весь Петербургъ. О ней рассказываетъ по слухамъ въ своихъ „Запискахъ“ Жоржель, бывший въ Петербургѣ весной 1800 г. *Georgel*, VI, 276—279.

изъ коалиціи противъ Франціи, Панинъ продолжалъ, оставаясь на должности, дѣйствовать исподтишка въ духѣ, противоположномъ намѣреніямъ Императора, и поддерживать тайныя сношенія съ Витвортомъ. Императоръ неоднократно долженъ былъ напоминать Панину о его обязанностяхъ. 26 декабря 1799 г. приказано было Растопчину спросить у него: „en quelles formes il a parlé à Whitworth au sujet négociation, confiée a Kouchelew“ (распоряженія о дѣйствіяхъ русскаго флота въ Средиземномъ морѣ); 18 февраля 1800 г. Растопчину же поручено было сказать (Панину), „чтобы меньше говорилъ съ министрами и что онъ не что иное, какъ инструментъ“¹⁾. Наконецъ, терпѣніе Павла, и безъ того небольшое, истощилось, и въ концѣ февраля онъ прислалъ къ Панину своего адъютанта съ приказомъ сказать ему „дурака“. Выслушавъ высочайшее повелѣніе, Панинъ просилъ адъютанта представить свои объясненія Государю, но былъ вторично награжденъ тѣмъ же эпитетомъ, для выслушанія котораго онъ на этотъ разъ вызванъ былъ къ Кутайсову²⁾. Тогда же Витворту былъ сообщенъ высочайшій отзывъ, что Государь „недоволенъ его поведеніемъ“³⁾. Несомнѣнно, что именно къ этому времени относится начало бесѣдъ Панина, Витворта и Жеребцовой о планѣ устраненія Павла отъ престола; тогда же изгоняемый изъ Россіи Витвортъ въ первый разъ доносилъ въ секретной депешѣ, что „Императоръ буквально не въ своемъ умѣ“, прибавляя, что „уже нѣсколько лѣтъ, какъ это известно всѣмъ тѣсно приближеннымъ къ нему“, что „его умопомѣшательство постепенно усиливалось и въ настоящее время проявляется въ такомъ видѣ, что невольно приводитъ каждыя въ сильнѣйшее безпокойство“⁴⁾. Въ этихъ словахъ англійскаго посла слышится уже цѣлая программа, выработанная на бесѣдахъ съ Панинымъ и Жеребцовой: незадолго до того въ Даніи и въ Португаліи учреждено было регентство вслѣдствіе обнаружившейся психической болѣзни царствовавшихъ тамъ монарховъ, и казалось возможнымъ этимъ же способомъ устранить отъ дѣлъ правленія и

¹⁾ Дневникъ Растопчина (ркп.).

²⁾ Архивъ кв. В., XXX, 117—118.

³⁾ Дневникъ Растопчина, 18 февраля 1800 г.

⁴⁾ Деша отъ 18 марта 1800 г. Въ то же время Сардинскій посланникъ, кавалеръ Бальбо, также подъ влияніемъ перемѣны въ политикѣ Павла, грозившей Сардинскому королю окончательной гибелью, писалъ (мартъ 1800 г.) своему правительству: „Je vous prie de faire bien attention à ceci et de bruler ensuite. L'empereur de Russie est fou; néanmoins l'on pourrait en tirer un grand parti, si l'on profite des moments favorables. Mais si l'on biaise, il n'y faut plus compter du tout. D'après cela jugez, si l'on peut hésiter“. Greppi: „Révélation diplomatiques“.

Павла, сдѣлавшагося „ненормальнымъ“ для всѣхъ сторонниковъ коалиціи лишь съ того момента, когда онъ рѣшительно отказался жертвовать русскими войсками для выгодъ Англіи и Австріи.

О нравственномъ характерѣ Панина современники были не высокаго мнѣнія. Его считали человѣкомъ непреклоннымъ, холоднымъ, какъ ледъ, эгоистомъ, руководившимся личными выгодами и искавшимъ удовлетворенія своему честолюбію. Обладая умомъ, широкимъ образованіемъ, Панинъ умѣлъ показать себя, гдѣ нужно, человѣкомъ безкорыстнымъ и прямодушнымъ. Но люди, хорошо его знавшіе, были другого мнѣнія. Русскій посолъ въ Лондонѣ, графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, вполнѣ натурализовавшійся въ Англіи и сочувствовавшій намѣреніямъ Витворта и Панина устранить Павла отъ правленія, писалъ впоследствии о Панинѣ: „Je n'ai jamais vu un homme, plus hypocrite et plus obstiné à faire le mal dès qu'il a entrepris de le faire“¹⁾. Императоръ Павелъ хорошо зналъ Панина, еще будучи наслѣдникомъ, и не довѣрялъ ему, хотя Императрица Марія Ѳеодоровна и считала его въ числѣ лицъ „bons loyals“, вполнѣ преданныхъ Государю. Нерасположеніе Императора не только преграждало Панину путь къ дальнѣйшему служебному повышенію, но и отзывалось на финансовыхъ его дѣлахъ. „Отъ моего дяди,—писалъ онъ Воронцову въ 1799 г.,—осталось долгу 320.000 руб. Великій князь зналъ это и торжественно обѣщалъ моему отцу уплатить всѣ долги моего дяди, лишь только вступить на престолъ. Мой отецъ, хотя уплатилъ часть долговъ дяди, оставилъ мнѣ еще 180.000 р. долгу. Погашеніе этой суммы въ банкѣ отнимаетъ у меня ежегодно 15.000 р. дохода, и это заставляеть меня дѣлать новые долги. Среди потока щедротъ, проливаемыхъ съ трона, только одинъ забыть—наслѣдникъ фамиліи, въ отношеніи которой приняли на себя формальное обязательство“²⁾.

Болѣе хитеръ и непроницаемъ былъ Осипъ Михайловичъ де-Рибасъ, посѣдѣлый въ предательствахъ и придворныхъ интригахъ, всѣ цѣли котораго заключались въ наживѣ. Онъ только-что уволенъ былъ отъ службы (1 марта 1800 г.) за злоупотребленія по управленію лѣснымъ департаментомъ, но старая дружба его съ Панинымъ отъ того не пострадала, а общее неудовольствіе даже еще болѣе сблизило ихъ. Адмиралъ Н. С. Мордвиновъ писалъ о Рибасѣ Императрицѣ Екатеринѣ, что онъ не отрицаетъ въ немъ

¹⁾ Письмо къ Новосильцеву отъ 5 ноября 1801. Арх. кн. В., XI, 412.—Того же мнѣнія былъ Николай (Арх. кн. В., XXII, 119).

²⁾ Арх. кн. В., XI, 76—77.

большихъ дарованій и способностей, но что важныхъ дѣлъ, касающихся до блага отечества, ему ввѣрять не должно ¹⁾. Искатель приключеній, алчный до наживы, Рибасъ охотно принялъ участіе въ бесѣдахъ Панина съ Витвортомъ о положеніи дѣлъ въ Россіи, репутація интригана до такой степени упрочена была за Рибасомъ, что многіе считали его инициаторомъ заговора противъ Павла ²⁾. „Независимо отъ спокойствія и блага Россіи“, говоритъ кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „каждый изъ собесѣдниковъ видѣлъ въ будущемъ возможность достигнуть своей собственной цѣли: Витвортъ искалъ прежде всего охраненія англійскихъ интересовъ, а Панинъ надѣялся осуществить мечты своего честолюбія и сдѣлаться если не при Павлѣ, то при молодомъ его преемникѣ такимъ же полно-властнымъ министромъ, какимъ былъ Питтъ въ Англіи. Рибасъ... не мѣтилъ такъ высоко, какъ Панинъ, но, искусный въ интригахъ всякаго рода, былъ увѣренъ, что какая бы ни произошла перемѣна, онъ сумѣетъ извлечь изъ нея пользу ³⁾. Впослѣдствіи говорили, не безъ основанія, что Рибасъ готовъ былъ продать своихъ собесѣдниковъ Императору за недорогою цѣну и тѣмъ оправдаться въ его глазахъ ⁴⁾. Почти въ это время Растопчинъ представилъ Императору Павлу свой планъ внѣшней русской политики. Въ немъ, между прочимъ, заключалось слѣдующее мѣсто: „Перемѣняющіяся столь часто обстоятельства могутъ рождаютъ и новыя отношенія, и новыя связи; но все сіе можетъ быть случайно, временно и безъ обязательства хранить ненарушимо до положеннаго срока заключенный союзъ министрами, кои часто поставляютъ подарки свыше благосостоянія отечества, славы государей своихъ и святости ихъ слова“. Противъ этого мѣста рукой Императора Павла было написано: „деньги—вещь великая!“ ⁵⁾.

Лордъ Витвортъ долженъ былъ наконецъ уѣхать изъ Россіи 27 мая 1800 г., пообѣщавъ гр. Толстой вновь сойтись съ ней, въ случаѣ ея пріѣзда за границу. Чтò обѣщаль онъ Жеребцовой и своимъ собесѣдникамъ — можно только догадываться, но и послѣ его отъѣзда они продолжали бесѣдовать... 8-го іюня Панинъ писалъ Воронцову: „Ici rien n'a changé; l'humeur et la mélancolie du maître font les progrès les plus rapides, et c'est toujours l'humeur qui décide de tout, en administration comme en politique“. Извѣщая о предстоящемъ отъѣздѣ Витворта изъ Петербурга, Панинъ

¹⁾ Шишковъ: „Записки“, 6—7.

²⁾ D'Allonville: „Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état“, II, 388.

³⁾ „Графъ Н. П. Панинъ“, кн. Лобанова-Ростовскаго (рпк.).

⁴⁾ Шишковъ: „Записки“, 78.

⁵⁾ „Памятники новой русской исторіи“, Кашпирева, т. I, 108.

просилъ Воронцова передать англійскому министерству его общее съ Витвортомъ желаніе, чтобы англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ былъ назначенъ Гарлике, единственный изъ англійскихъ дипломатовъ, которому могъ бы довѣриться Панинъ. „J'ai pensé,—писалъ онъ,—que le ministère britannique trouverait un avantage réel d'avoir à Pétersbourg un chargé d'affaires avec lequel je puisse traiter confidentiellement comme je l'ai fait avec mylord Whitwort dans les tems les plus difficiles... M-r Garlicke est le seul qui pourrait seconder mes soins pour le maintien de la bonne harmonie. C'est le seul avec lequel je puisse traiter confidentiellement parce que je le connais et que il a toute ma confiance comme je crois posséder la sienne; d'ailleurs il est sage et prudent; un seul mot de ma part lui féra éviter tout ce qui pourrait toucher une corde sensible et susciter un orage imprévu“¹⁾. Другими словами, Панинъ прибрѣлъ уже для Англій такое значеніе, что могъ уже располагать выборомъ посланника Англій въ Петербургѣ...

Старанія Панина, однако, не увѣнчались на этотъ разъ желаемымъ успѣхомъ. Франція, умирная твердой рукой перваго консула, искала дружбы Россіи, и Государь пошелъ ей навстрѣчу. Въ маѣ 1800 г. въ Петербургѣ явилась г-жа Бонейль²⁾, тайный агентъ Бонапарта, а вслѣдъ затѣмъ, пользуясь ничтожнымъ поводомъ, Императоръ приказалъ всему англійскому посольству выѣхать изъ Россіи, а своему послу, графу С. Р. Воронцову, оставить Лондонъ. Еще ранѣе, убѣдившись окончательно въ своекорыстныхъ расчетахъ Австріи, въ томъ, что „отъ нея все возможно“ и что примирительныя предложенія вѣнскаго двора—„галиматья и бредни“³⁾, Павель Петровичъ приказалъ выѣхать изъ Россіи австрійскому послу графу Кобенцлю и порвалъ сношенія съ Австріей, пока не будутъ удовлетворены требованія Россіи. Послѣдствія перемѣны политики Императора Павла тяжело отозвались на союзникахъ: весною 1800 г., битвой при Маренго, французы отобрали у австрійцевъ Италію, а Англій начала угрожать коалиція сѣверныхъ державъ, которая, подъ главенствомъ Россіи, желала провозгласить начала вооруженнаго нейтралитета, чтобы положить предѣлъ царствовавшему въ то время пиратству Англій на морѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Арх. кн. Вор., XI, 109.

²⁾ Въ „Дневникѣ“ Растопчина 1800 г. „16 мая. ѣхать и переговорить съ г-жей дю-Бонейль“. 17 мая приказъ гр. Палену: „Смотрѣть съ кѣмъ будетъ знаться пріѣхавшая М. Bonneuil“.

³⁾ „Дневникѣ“ Растопчина, 15 ноября 1799 г. и 14 марта 1800 г.